

К 130-й годовщине Бездненского восстания

Исторические труды А. П. Шапова оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии. Если они и не легли в основу, то по крайней мере были весьма значительным вкладом в теорию народничества, что же касается жизни Шапова, то она заключает в себе столько глубоко поучительного, что не мешало бы лишний раз напомнить о ней читателям и противопоставить ее «безмятежному житию» наших официальных ученых.

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

Учить народ или учиться у народа?

16 апреля 1861 года, вероятно, часов в 12 дня, бакалавр Казанской духовной академии Афанасий Шапов спешил на пролетке к дому издателя Дубровина. Неожиданные обстоятельства вынуждали его обратиться к этому человеку с просьбой о деньгах. Сегодня, в вербное воскресенье, студенчество Казани готовилось провести в Куртинской церкви, на главном кладбище города, панихиду по невинно убиенным крестьянам, расстрелянным 12 апреля в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии по приказу генерал-майора Апраксина. А за услуги церковного причта подлагалось платить.

Панихида подходила к концу, когда Шапов поднялся из амвон.

«Други, за народ убитые! — начал он. — Демократ Христос... страданиям которого... люди будут поклоняться на предстоящей страстной неделе, возвестил миру общинно-демократическую свободу... и за то... пригвожден был ко

«смутное время», земские соборы и «народосоветие», община, как «зародыш нового социального развития», «народная экономия», проблема взаимодействия природы и общества, роль женщины в русской истории, история «умственного развития русского народа», национальные взаимоотношения, значение провинции в судьбе Отечества — вот далеко неполный перечень тем, в изучении которых он оставил яркий след.

Шапов не был собирателем фактов. Он искал глубокий смысл истории народа. В «Русском расколе старообрядства», а особенно в «Земстве и расколе» и других произведениях по истории патриархального

В лекциях и научных трудах Шапов с умыслом обращал внимание инициаторов «великой реформы» 1861 года на дилемму «смутного времени» начала XVII столетия. Ведь в те давние времена, когда страна подошла к рубежу, отдающему Россию древнюю от новой, и выплес-

нула впервые исподволь зревшая ненависть земства против централизации, механического насильственного «притяжения к Москве», отсутствия совета первопрестольной с «прочими гордами». Все областные общины взбунтовались. Обнаружились разрывы территориальная, этнографическая, юридическая, моральная и нравственная. Поднялись чуваш, черемисы и другие инородцы.

«Не слышно было царских указов из Москвы, — замечал Шапов, — слышен только шум по областям, на площадях главных городов». Публично размышляя о вреде централизации для России XVII—XVIII

обращал внимание, что оскудевают запасы зверя, рыбы, птицы из-за отсутствия на «святой Руси» рационального хозяйства. Пророчески звучат сегодня его слова: «Необходимо остановить те хищнические отношения к окружающей нас природе, которыми мы живем более тысячи лет. Чтобы не расхищать задаром данных нам натуральных богатств, чтобы не пользоваться ими бессознательно и безрасчетливо, чтобы избежать губительных последствий повсеместного опустошения почв, лесов, рек... нам необходимо знать наши наличные средства и обладать умением располагать ими не на авось, а на основании рационального, строго экономического плана».

Большой общественный интерес вызвала монография Шапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (1869). Она выделялась «из массы исторических сочинений последнего времени», ибо вводила читателя в сокровенные глубины народной жизни, «отличалась философическим характером, восходила в высшие сферы исторического видения» (В. О. Ключевский). Друзья историка сравнивали его с Боклем, автором известной «Истории цивилизации в Англии», а охранители упрекали в шутовском отрицании.

Одна реформа 1861 года

кресту и явился всемирно
Искупили жертвой за
свободу... Вот снова явил
ся такой пророк, и выдру
ги, первые, по его воззва
нию, пали искупительными
жертвами деспотизма за
давно ожидаемую всем на
родом свободу... Земля,
которая приняла вас муче
никами... воззовет народ к
восстанию и свободе, Мир
праху Вашему и вечная исто
рическая память Вашему
самоотверженному подвигу.
Да здравствует демократи
ческая конституция!»

Последствия этой речи
волной прокатились по су
дье Шапова. Отлучение
от кафедры, арест и заклю
чение в Петербурге, а поз
же ссылка в «родимую ка
торжную» Сибирь и ран
няя, на 45-м году жизни,
смерть — вот цена искуп
ления.

Судьба выдающегося рус
ского историка, публици
ста, этнографа Афанасия
Прокопьевича Шапова
(1831—1876) удивительная
и типична. Он честно слу
жил России, пострадал за
ее свободу, поразительно
много успел сделать для
отечественной науки и умер,
как водится, в горькой бо
сяцкой нищете и долгах.

Шапов родился в Анге
Иркутской губернии в се
мье пономаря и крестьянки
бурятки. После окончания
бурсы и семинарии в Ир
кутске поступил в духов
ную академию, которую
окончил в 1856 году. Уже
с 1857-го стали появлять
ся первые его публикации.

Еще в студенческие годы
Шапова привлекла история
чарода России в новое и
совейшее (XIX век) время.
Русская православная цер
ковь, религиозный раскол,

антицерковное, ан
тифеодалное протеста и
была создана новая, демо
кратическая концепция, в
основание которой легла
вера в «народную правду».

Жизнь Шапова прошла
в поиске «царства справед
ливости», в решении тради
ционного российского воп
роса: что делать? Вчераш
ний выпускник, молодой
бакалавр Казанской духо
вной академии привлекал
прекрасными лекциями по
русской истории не только
студенчество Казанского
университета, куда его при
гласили преподавать осенью
1860 года, но и городскую
публику, и она, оставив
на время сплетни и домаш
ние хлопоты, спешила при
общиться к откровениям
нового пророка. В пору
нарастающего общественно
го подъема это неравноду
шие понятно. Историк от
крыто негодовал против
крепостного права, рекрут
чины, а бюрократической
централизации противоп
оставлял «народные начала»: общину, мирские сходы, земские соборы, принцип их свободного саморазви
тия.

Шапов с детства с сим
патией и сочувствием отно
сился к крестьянину. Поз
же, вчитываясь в летописи,
писцовые книги, мелобит
ные, он увидел, что в мир
ской жизни народа спра
ведливость была нарушена
исторически. Это факт по
рождал уверенность ко
лжи официальной церкви,
государства и безусловной
правоте чарода.

Подлинная основа зем
ско-областной теории была
нравственной. Ее пафос —
необходимость восстано
вления испокон веку нарушен
ной справедливости.

столетий, он надеялся, что
уроки «смутного времени»
будут учтены.

Идеи, высказанные исто
риком, буквально витали в
воздухе. Герцен еще в 1851
году отмечал, что «цент
рализация противна сла
вянскому духу», а свойст
венна ему федерализация.
О будущем России как
«конфедеративной импе
рии» писал Огарев. Но
Шапов систематизировал,
развил эти взгляды и по
следовательно применил их
к отечественной истории.
Вот в чем секрет успеха его
лекций. Поэтому имя исто
рика заняло достойное ме
сто среди таких мастеров
публичных чтений, как
Грановский, Костомаров,
Соловьев, Ключевский.

Упомянем и народниче
скую социологию после
дующих 70-х годов XIX-ве
ка с ее идеями правды —
справедливости и правды
истины (Н. Михайловский),
нравственной оценкой соци
альных явлений. Отозва
лось ли в ней слово Шапо
ва? Судите сами.

Весной 1864 года, за
шесть месяцев до 33-летия,
Шапова высылают в Ир
кутск. Там, «на берегах
Ангара», он **разворачивает**
задуманное еще в Петер
бурге гигантское дело ис
следования отечественной
истории с новой, естествен
нонаучной точки зрения.
Даже в унизибельном по
ложении поднадзорного ли
шенного необходимых исто
рических источников, книг,
подчас не имея свечи, чая,
сигары, да и куска хлеба,
Афанасий Прокопьевич не
устанно работал и сумел не
потерять связи с жизнью.

За 1210 лет до нынешнего
экологического кризиса он

не прошел для исследова
теля бесследно. Историк
явственно увидел и учел в
своей новой, физикоантро
пологической концепции,
темные стороны того «бога»,
которому поклонялся, а и
вежество, рутину, прису
щие народной жизни; ощу
тил на собственном опыте,
насколько велика пропасть,
отделяющая «просвещенное
меньшинство» от народа.
Шапов строит планы пре
одоления этого пагубного
разрыва: «...Идите, моло
дые натуралисты, и кол
лективным естественно на
учным трудом сотворите
перед крестьянами чудо
естественнонаучного твор
чества цитательных жиз
ненных средств... покажите
мужикам... естественнона
учное творчество в гигиени
ческом и техническом уст
ройстве... жилищ... их
отопление, освещение и
вентиляции, в раз
ведении садов и роц с ги
гиеническими и педагогич
ескими целями».

Однако, оставаясь вер
ным народническим осно
вам своего мировоззрения,
историк опасается разло
жения общины, появления
богатых и бедных, резко
негодует против эгоисти
ческих, торгашеских ин
стинктов, надеется на по
беду инстинктов социальных.

Жизнь между тем оп
ровергала его надежды на
каждом шагу, обрекая на
страдания, приближая ко
нец. Как заметил историк
С. С. Шашков, Шапов го
рел свободой, но это пла
мя быстро сожгло его са
мого.

А. МАДЖАРОВ,
кандидат исторических наук.
Журнал «Родина».
№ 12 за 1990 год.